

В. НАУМЕНКО

КУБАНСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
СБОРНИК

ИЮЛЬ — АВГУСТ

1960 г.

№ 5

VYACESLAV NAUMENKO

P. O. Box 126

ORANGEBURG, N. Y.,

U. S. A.

Моей Мстиславне от Паши

29 июля 1960 г.
Оранжбург.

В. Науменко.

КУБАНСКИЙ

исторический и литературный

СБОРНИК.

№ 5 - июль-август - 1960 г.

Оранжбург. США.

О г л а в л е н и е :

Свою историю надо знать.-В.Науменко.....	стр. 3
Грамота Императрицы Екатерины II-й Черноморскому казачьему Войску от 30-го июня 1792 года.....	" 5
Грамота Императрицы Екатерины II-й Черноморскому казачьему Войску от 1-го июля 1792 года.....	" 7
Грамота Императора Павла I-го Черноморскому казачьему Войску от 16 февраля 1801 года.....	" 8
Несколько слов о грамотах Императрицы Екатерины II-й и Императора Павла I-го Черноморскому Войску.-В.Науменко.....	II
Славное дело Линейцев под Пеняком 30 августа ст.ст.1855 г.-В.Науменко	
Звоны Кубани-стихотворение-А.Жемчужный.....	I3
Выписка из Высочайшего приказа 6 августа 1909 года о производстве в офицеры.....	I5
Вдоль по линии Кавказа-Линейская песня.....	I8
Федор Андреевич Щербина-портрет.....	I9
Рассказы Ф.А.Щербины: /Из истории Куб.каз.Войска"/	
-Геройская смерть Тиховского и 146-ти сподвижников его.....	20
-Все до одного.....	22
-На выручку атамана.....	26
-Гуртовой, Рогач и Чернега.....	27
-Баба-кавалер.....	30

Цена №-ра , с пересылкою, I доллар.

СВОЮ ИСТОРИЮ ЗНАТЬ НАДО.

Каждый Кубанец должен знать историю своего славного Войска.

Знаю, что многие к этому стремятся, также знаю, что, в условиях нашей настоящей жизни, это трудно сделать.

До революции 1917 года, когда мы жили привычно, мирною жизнью, ряд Кубанцев внимательно изучал нашу историю и ими были изданы печатные труды ей посвященные: Попко, Короленко, Щербина, Фелицин, Орлов и другие издавали свои печатные труды. Желавшие более подробно изучить историю Войска, имели возможность пользоваться нашим прекрасным войсковым архивом, находившимся в Екатеринодаре, в котором были собраны ценнейшие документы, относящиеся к истории нашего Войска, начиная со времен запорожских.

Но злосчастная российская революция все это уничтожила: наш войсковой архив был разгромлен чернью и, как говорят очевидцы, в первое время занятия Екатеринодара красными, можно было видеть на городском базаре, как торговки заворачивают соленые огурцы и селедку, в виде оберточной бумаги, драгоценными документами нашего архива.

Тоже было и с историческими печатными трудами - почти все они погибли.

Остававшимся под властью большевиков казакам, не было возможности не только изучать историю Войска но и думать о ней.

Попавшие в эмиграцию были в более благоприятных условиях и, мало по малу, многие из нас стали накоплять материалы по истории Войска и отыскивать отдельные труды наших историков. Но разразилась Вторая Мировая война, большинству из нас пришлось бросить насиженные места и растерять собранные исторические материалы. Лишь у немногих и сейчас имеются книги старых изданий и комплекты эмигрантских газет и журналов, но владельцы их, боясь их потерять, бережно их хранят, опасаясь их потери - для широких кубанских кругов они остаются неиспользованными.

В настоящее время, когда мы опять осели на новых местах и, более ли менее, наладили свою жизнь, в печати стали появляться труды отдельных лиц; но, лишенные архивных материалов и книг, составленных на изучении их, авторы современных трудов по истории Войска, вольно или невольно, иногда впадают в ошибки и допускают искажение нашей истории.

Несмотря на это, надо приветствовать появление в печати новых трудов по исследованию и изучению нашей истории. В будущем, путем сопоставления разных из-

даний, а также с помощью лиц, заметивших неправильности и обративших на это внимание авторов, ошибки могут быть выправленными. Только авторам таких трудов надо иметь мужество признать свои промахи.

Повторяю, что в условиях нашей жизни, когда мы лишены необходимых исторических материалов, такие недочеты возможны и объяснимы.

Как на пример, могу указать на Перечень населенных пунктов Кубани, помещенный в № 3-м Кубанского Сборника. При составлении его не было под рукою карт и других необходимых справочников - в нем оказались ошибки и пропуски. После издания этого номера, получены поправки от некоторых подписчиков, а также удалось получить несколько карт Кубани, хотя и устарелых изданий, но все же полезных и сейчас имеется возможность выправить допущенные ошибки и неправильности, что и будет сделано в одном из ближайших номеров Сборника.

К нашему счастью, Господь Бог, помог нам сохранить и вывезти в Америку наши Войсковые Регалии, в числе которых имеются грамоты, пожалованные Войску Императорами. Грамоты эти являются совершенно достоверными и неоспоримыми документами нашей истории. Внимательно изучая их, каждый Кубанец будет иметь основные понятия об истории Войска. Главнейшая из них - грамота Императрицы Екатерины II-й от 30 июня 1792 года, обуславливающая бытие нашего Войска, неоднократно печаталась на страницах наших изданий и содержание ее многим известно, но остальные, по давляющему большинства из нас неведомы.

Начиная с настоящего номера Сборника, все они будут напечатаны на его страницах.

В № 1-м Сборника напечатан Краткий исторический очерк Войска, а в № 3-м Географический очерк Кубанского края. Для желающих знать историю Войска, они являются канвою для дальнейшего познания своего прошлого.

Печатаемые в Сборнике рассказы и другой материал являются иллюстрацией быта и жизни отцов и дедов наших.

С конца прошлого года я приступил к печатанию номеров Кубанского исторического и литературного Сборника, имея в виду главную цель дать возможность широкому кругу Кубанцев вспомнить свою историю, а тем кто ее не знает, с нею познакомиться.

Я хотел бы, чтобы желающие изучить историю Войска смотрели бы на этот Сборник как на курс заочного преподавания истории нашего Войска. Для этого надо его внимательно читать, изучать : : содержание, хранить отдельные номера и обращаться к ним в случае надобности за справками.

В дополнение к печатаемому материалу, я готов помочь каждому разобратся в прочитанном и, если у кого встетится в этом надобность, прошу обращаться ко мне письменно.

В. Н а у м е н к о .

ГРАМОТА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й ЧЕРНОМОРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ 30-го ИЮНЯ 1792 ГОДА.

Верного Нашего Войска Черноморского кошевому атаману, старшинам и всему Войску Нашего Императорского Величества милостивое слово.

Усердная и ревностная Войска Черноморского Нам служба, доказанная в течение благополучно оконченной с Портою Оттоманскому войны, храбрыми и мужественными на суше и водах подвигами, ненарушимая верность, строгое повиновение начальству и похвальное поведение от самого того времени, как сие Войско, по воле Нашей, покойным генералом-фельдмаршалом, князем Потемкиным-Таврическим учреждено, приобрели особливое Наше внимание и милость. Мы потому, желая воздать заслугам Войска Черноморского утверждением всегдашнего его благосостояния и доставлением способов к благополучному пребыванию, Всемиловитейше пожаловали оному в вечное владение состоящий в области Таврической остров Фанагорию, со всей землею лежащею на правой стороне реки Кубани, от устья ее к Усть-Лабинскому редуту, так чтобы с одной стороны река Кубань, с другой же Азовское море до Ейского городка, служили границею войсковой земли. С прочих же сторон разграничение указали мы сделать генерал-губернатору Кавказскому и губернаторам Екатеринославскому и Таврическому через землемеров, обще с депутатами от Войска Донского и Черноморского.

Все состоящие на помянутой Нами пожалованной земле всякого рода угодья, на водах же рыбные ловли, остаются в точном и полном владении и распоряжении Войска Черноморского, исключая только мест для крепости на острове Фанагория и для другой, при реке Кубани, с подлежащим для каждой выгоном, которые для вящей Войску и особливо на случай военной безопасности, сооружены быть имеют.

Войску Черноморскому предлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских.

На производство жалования кошевому атаману и войсковым старшинам по приложенной росписи, на употребляемые к содержанию стражи отряды и прочие по Войску нужные расходы, повелели Мы отпускать из казны Нашей по 20.000 рублей на год.

Желаем Мы, чтобы земское управление сего Войска, для лучшего порядка и благоустройства, соображаемо было с изданными от Нас учреждениями о управлении губерний. Мы предоставляем правительству войсковому расправу и наказание в впадающих в погрешности в Войске; но важных преступников повелеваем, для суждения по законам, отсылать к губернатору Таврическому.

Мы Всемиловитейше позволяем Войску Черноморскому пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковых землях.

Всемилоостивейше жалуем Войску Черноморскому знамя войсковое и литавры, подтверждая также употребление и тех знамен, булавы, перначей и войсковой печати, которые оному от покойного генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, по воле Нашей доставлены.

Губернатору Таврическому указали Мы доставлять Войску Черноморскому все исходящие от Нас узаконения, предлагать оному о нарядах на службу, по назначению военного начальства, и преподавать все нужные способствования; а потому правительство войсковое имеет относиться к сему губернатору и через каждые две недели присылать ему сведения о благосостоянии Войска и обо всех важных происшествиях, какие в течение двух недель могут приключиться, для донесения Нам.

Мы надеемся, что Войско Черноморское, соответствуя Монаршему Нашему о нем попечению, потщится не только бдительным охранением границ соблюсти имя храбрых воинов, но и всемерное употребит старание заслуживать звание добрых и полезных граждан внутренним благоустройством и распространением семейственного жития.

Р о с п и с ь ж а л о в а н и ю, е ж е г о д н о
п о л а г а е м о м у н а В о й с к о Ч е р н о -
м о р с к о е к а з а ч ь е.

	Рубл.
Кошевому атаману.....	1.000
Войсковому судье.....	800
Войсковому писарю.....	500
Войсковому есаулу.....	500
Протопопу.....	200
Попу.....	100
Диакону.....	80
На причет церковный.....	120
Кренным атаманам,кажд.по 40 р.	1.600
Пушкарю и довыбу,по 40 руб.	80

Итого..... 4.980

На содержание артиллерии и жалование казакам, в действительной службе находящимся, и на все прочие по рассмотрению войскового правительства расходы 15.020

Всего..... 20.000

Войсковым старшинам или полковникам, когда они вне владения Войска Черноморского на службу отряжены, каждому производить в год по сту рублей.

Сотникам, есаулам, квартирмистрам и прочим полковым старшинам, когда они на службу наряжены вне пределов Воска Черноморского, каждому по пятидесяти рублей.

Казакам, откомандированным за пределы войсковые производить жалованья в год по двенадцати рублей и про-

виант указный, а конным и фураж.

На подлинном подписано собственною Ея Императорского Величества рукою: **Е к а т е р и н а II.**

ГРАМОТА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й ЧЕРНОМОРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ I-го ИЮЛЯ 1792 ГОДА.

Верного Нашего Войска Черноморского кошевому атаману, старшинам и всему Войску Нашего Императорского Величества милостивое слово.

Рассмотрев всеподданейшие представления, вступившие к Нам от Войска Черноморского и от присланного от оного войскового судьи Головатого, с прочими депутатами, и удовлетворяя прошениям с справедливостью согласным, Всемилостивейше Мы повелели: 1/ Губернатору Таврическому иметь попечение об отыскании и доставлении старшинам и казакам Войска Черноморского справедливо и законно принадлежащего им имения, буде где оное в прежних их жилищах задержано. Равным образом истребовать ему, для причисления к Войску тех старшин казаков с их имуществом, которые, действительно прежде служивши в военном звании в Запорожьи и по разрушении Семи поселясь в разных местах удерживаются там противу их воли, для чего от Войска Черноморского и нужно доведение к губернатору Таврическому именного всех оных списка, с означением мест их пребывания. 2/ На снабжение переселяющихся в новопожалованные Войску Черноморскому в Фанаторийском уезде земли неимущих казаков, особливо же вдов с детьми, потерявших мужей своих на сражениях, отпустить 30.000 рублей. 3/ Всех военнослужащих казаков, в новом их поселении, удовлетворять пропитанием по сентябрь месяц будущего 1793 года. 4/ Всем переселяющимся из новоприобетенной между Днестра и Буца области в Фанаторийский уезд старшинам и казакам дозволить продавать построенные ими в той области дома и прочие строения, и в том им всякое содействие преподавать. 5/ При сем переходе Войска Черноморского из состоящих на пути магазинов дозволить оное провиантом и в переправах через реки возможное вспоможение чинить. В соответствие чего и Войско Черноморское, во время прохода, да сохранит строгую дисциплину и да возвратит у себя прием беглецов, подданных российских как тогда так и впредь по самовольному оставлению жилищ своих к оному являющихся. 6/ Что касается до пожалованных от покойного генерал-фельдмаршала князя Таврического по сему Войску в шаб и обер-офицерские чины старшин, оным о даче патентов указали Мы нашей военной коллегии. Мы надеемся, что Войско Черноморское, Монаршею нашей милостью взысканное, употребит усиленное старание о скорейшем переселении своем на земли, Всемилостивейше от нас пожалованные и что всемерно потщится ревностью и усердною службою учинить себя и впредь достойными Нашего благоволения.

На подлинном подписано собственной Ея Императорского Величества рукою: **Е к а т е р и н а II.**

ГРАМОТА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-го ЧЕРНОМОРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ
ВОЙСКУ 16 ФЕВРАЛЯ 1801 ГОДА .

Божиею поспешествующею милостью, Мы, Павел первый Император и Самодержец Всероссийский и проч. и проч. и проч.

Верного нашего Черноморского Войска атаману, старшинам и всему Войску Нашего Императорского Величества милостивое слово:

Приемля с монаршим Нашим благоволением службу верноподданого Нам Черноморского Войска, видели Мы сособенным удовольствием Нашим, верность, усердие и отличную храбрость, оказанные сим Войском в течение бывшей последней войны с Портою Оттоманскою и ныне всегда с таковою же похвальною ревностью продолжающего Нам службу свою. Мы благоволительно желая изъявить Войску сему Нашу Императорскую благопризнательность и милостиво оказать щедроты и воздаяние за верность и службу их, жалуем и подтверждаем в вечном владении их населенный сим Войском остров Тамань во всех тех пределах, которые положены данною им в 1792 году июня 30 дня, грамотою и учиненным от губернского начальства разграничением. Сию Императорскую милость Нашу распространяем мы на следующие постановления:

Первое: все состоящие на сей пожалованной им земле всякого рода уголья, на водах же рыбные ловли да пребудут в точном и полном владении и распоряжении Войска Черноморского, исключая только места для крепостей, с лежащим для каждой выгоном, кои на тех землях для безопасности построены быть имеют.

Второе: Войску Черноморскому благоволительно ввернем бдение и охранение погранично от набегов народов за-кубанских.

Третье: Всемилостивейше повелеваем и подтверждаем Войску Черноморскому право пользоваться свободно внутреннею торговлею и вольною продажей вина на землях Войску принадлежащих.

Четвертое: Войско Черноморское получает от Нас повеление через военное начальство как о устроении сего Войска, так и о нарядах на службу, которые обязано исполнять с точностью и поспешностью, свойственными верноподданным Нашим, при том же правительстве войсковое о благосостоянии Войска и обо всех важных происшествиях, какие там случаться могут, иметь почасту доносить Нам; по гражданской части быть в ведении Нашего Сената.

Пятое: Простирая Монаршее Наше попечение о благе верного Нам Черноморского Войска, соизволяем, чтоб и управление дел до одного относящихся восприяло лучший образ и для того Всемилостивейше повелеваем учредить в нем войсковую канцелярию на следующем основании: 1/ в войсковой канцелярии присутствовать от Войска Черноморского атаману, двум членам и, сверх того, особам, каковых Мы заблагорассудим назначить; 2/ от сей канцелярии

зависеть должно наблюдение в подчиненных местах благоустройства и правосудия и решение всех дел; 3/ учредить зависящие от той канцелярии экспедиции: первую для всех криминальных, вторую для гражданских и тяжбных, третью для казенных, четвертую для межевых, пятую для полиции и шестую сыскное начальство, соответствующее земскому суду, и во всех сих экспедициях быть от Черноморского Войска пристойному числу членов; 4/ экспедиции сии, производя дела, приговоры свои по оным должны вносить на утверждение войсковой канцелярии и определенной от Нас в оную доверенной особе и доколе утверждены не будут, исполнять своих положений не должны; 5/ войсковая канцелярия и подчиненные ей экспедиции, как течение дел, так и земское управление должны производить на основании общих узаконений Всероссийской Империи; 6/ дела по гражданской части на апелляцию вносить в Сенат, а по военной относиться в военную коллегия—сообразно чему и уголовные вносить на ревизию, по роду их и принадлежности, до того или другого правительства, но отсылая прежде приговоры свои на рассмотрение доверенной от Нас особе; 7/ на судейские должности определять по годно, избирая в сие звание способных и благонадежных людей; 8/ канцелярию и ее экспедиции снабдить, и впредь снабждать, по распоряжению войсковой канцелярии, канцелярскими служителями в таком числе, какое для успешного производства дел потребно; 9/ для охранения правосудия и доставления каждому скорейшего по делам на законном основании удовлетворения, Всемилостивейше соизволяем при войсковой канцелярии быть прокурору.

Шестое: желая распространить торговлю и промыслы и в Черноморском Войске и преподавать оному средства, всем Нашим верноподданным присвоенные, Всемилостивейше дозволяем каждому из сего Войска, с позволения войсковой канцелярии, записываться в гильдии и мещане, на основании общих государственных узаконений и согласно с дарованными от Нас каждому состоянию преимуществами, свободно производить торги и промыслы как во всей Нашей Империи, так и вне оной; для суда же и расправы записавшихся в купечество и мещанство учреждать всюду ратгаузы на таком основании как оные учреждены и содержатся во всех российских торговых местах, поступая в порядке переноса сих дел на апелляцию и ревизию по предыдущему пятому пункту.

Седьмое: атаману с войсковыми старшинами и с присутствующими войсковой канцелярии на жалование, также на употребляемые к содержанию караулов отряды и на прочие по Войску нужные расходы предоставляем навсегда пользоваться отпускаемой из казны Нашей денежною суммою по двадцати тысяч рублей каждогодно.

Восьмое: Всемилостивейше дозволяем Войску Черноморскому, в означение службы его Престолу Нашему, употреблять данные им от нас знамена, булавы, перначи и войсковую печать, каковая в войсках Наших положена.

Впрочем Мы надеемся, что Войско Черноморское, ощущая Наше Монаршее о нем попечение и покровительство, потщится навсегда не только иметь бдительное охранение границ и отправлять с ревностью и храбростью службу, каковыя от Нас на него возлагаются, но и всемерно продолжать будет старание о внутреннем благоустройстве, тишине, трудолюбию и распространению семейственного жития и через то удостоится нашего благоволения и щедрот. Дана в Михайловском Замке, месяца Февраля шестого-надесять дня лета от Рождества Христова тысяча семьсот первого, царство вания Нашего в пятое лето, великого же магистерства Нашего в третье.

На подлинной написано Собственного Его Величества рукою тако:

" П а в е л " .

Контрасигновал: граф Р а с т о п ч и н .

П р и м е ч а н и е :

Последняя фраза грамоты "... великого же магистерства Нашего в третье..." , может быть непонятна.

Дело в том, что Император, до крайности впечатлительный, еще будучи Наследником престола, проникся достоинством преклонением к рыцарству и особенно знаменитому ордену Иоаннитов или Мальтийскому, как он назывался со времени пребывания его на острове Мальте.

Хорошо зная настроение и образ мыслей Императора, по вступлении его в 1796 году на престол, в Петербург прибыла делегация от Мальтийского ордена, просить о восстановлении польского приорства ордена.

Император Павел I-й сделал гораздо больше: 4 января 1797 г. он заключил конвенцию с державным орденом Мальтийским и его гросмейстером об установлении этого ордена в России и приказал государственному казначейству отпускать ему ежегодно 300.000 польских золотых /около 75.000 рублей/. Сам он, по просьбе гросмейстера Рогана, принял титул Покровителя державного ордена св. Иоанна Иерусалимского. Когда же Наполеон Бонапарт овладел Мальтой и присоединил ее ко Франции, то новый гросмейстер Гомпеш сложил свои полномочия и сам Великого магистра был поднесен Императору Павлу и 16 декабря 1798 года был издан манифест о восприятии Императором звания Великого магистра ордена св. Иоанна Иерусалимского.

Вот об этом то магистерстве и упоминается в подписи Императора Павла I-го на грамоте его Черноморскому Войску.

В. Н а у м е н к о .

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ГРАМОТАХ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й
И ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-го ЧЕРНОМОР-
СКОМУ ВОЙСКУ.

При внимательном чтении этих грамот, содержание их станет понятно каждому, но все же приходится остано-
вить наше внимание на следующем:

1-В обоих своих грамотах Императрица Екатерина именует Черноморского Атамана Кошевым; Император Павел именует его просто Атаманом.

Со дня подписания этой грамоты, т.е. с 16 февраля 1801 года наименование Черноморского Атамана Кошевым упразднено навсегда. Атаман стал называться Войсковым, а затем Наказным.

2-Император Павел I-й подтвердил все права Черноморского Войска на землю, пожалованную ему в вечную собственность Императрицею Екатериною II-ю.

3-В грамоте Императрицы от 30 июня 1792 г. было выражено пожелание, чтобы управление Черноморским Войском "сообразяемо было с учреждением об управлении губерниями," но, вместе с тем, в грамоте этой упоминается Войсковое правительство, а в росписи жалованию перечисляются должности: Кошевой Атаман, Войсковой судья, Войсковой писарь и другие, что говорит о том, что управление Войском Черноморским предусматривалось по обычаям запорожским. В грамоте же Императора Павла указано, что в Черноморском Войске учреждается канцелярия в составе: Атамана, двух членов от Войска и "особы" которую заблагорассудится "назначить Государю. Таким образом - Войсковое правительство упразднялось, а в состав нового управления Войском входило лицо постороннее Войску как око Государево. Первым таким, как его называли, Особым членом Черноморской канцелярии был назначен генерал Кираев. Благодаря тому, что по смыслу грамоты, лицо это обладало большими полномочиями, а вместе с тем не были определены взаимоотношения его с Атаманом, с первых же шагов, начались между ними трения, приведшие к тому, что в июле того же, 1801 года, из Петербурга был прислан в Екатеринодар, для расследования и водворения порядка в Черноморском Войске генерал-от-инфантерии Дашков. В результате этого расследования, генерал Кираев, за присвоении себе непринадлежавшей ему власти, был отрешен от должности и отобран из состава Черноморской канцелярии, а в феврале 1802 года должность Особого члена Кубанской канцелярии была упразднена.

4-Как в грамоте Императрицы от 31 июня, так и в грамоте Императора Павла, среди других пожеланий, выражено пожелание "распространение семейственного жития в Черноморском Войске."

Читая это, может возникнуть вопрос чем вызвано это пожелание. Чтобы это стало понятным, надо вспомнить слова из манифеста Императрицы Екатерины от 3 августа 1775 г. В манифесте этом она указала причины побудившие ее уп-

разднить Запорожское Войско и разрушить Запорожскую Сечь. Одной из них было то, что Запорожцы "...одичав в своих ущельях и порогах и забыв отечество, остались навсегда в Сечах и, мало по малу, составили из себя особливое, странное и НАМЕРЕНИЮ САМОГО ТВОРЦА ПРОТИВНОЕ/ПО БЕЗБРАЧИЮ/политическое скопище." -

Вот этого безбрачия и не желали Императрица и Император, рекомендуя Черноморцам "распространение семейственного жития."

В. Н а у м е н к о .

СЛАВНОЕ ДЕЛО ЛИНЕЙЦЕВ ПОД ПЕНЬКОМ 30 АВГУСТА ст.ст.1855 г.

Восточная война 1853-1856 г.г., иногда именуемая Крымско войной, происходила в Крыму и в Закавказьи.

Летом 1855 года Кавказская армия под начальством Главнокомандующего на Кавказе генерала Н.Н.Муравьева, приступила в осаде сильной по тогдашнему времени турецкой крепости Карс. Там, фактически, турецкими войсками командовал английский генерал Вильямс.

В составе войск, осаждавших Карс, был и Сводный Лейб-гвардейский полк в который входили 2 сотни Хоперцев и 2 сотни Кубанцев.

План Муравьева состоял в том, чтобы заставить крепость капитулировать лишив ее подвоза продовольствия. Во исполнение этого, он оставил часть войск под Карсом, с остальными совершил несколько глубоких рейдов, отбросив, находившиеся там турецкие войска к Эрзеруму.

В целях снабдить гарнизон Карса продовольствием турецкое командование выслало в августе из Эрзерума большой транспорт продовольствием под прикрытием отряда силою до 5.000 человек.

28 августа Муравьев узнал о том, что этот отряд сосредоточился у местечка Пеняк, примерно в 70 верстах к западу от Карса вблизи местечка Ольты, расположенного на речке того же наименования.

Он приказал генерал-лейтенанту Ковалевскому, с отрядом силою: 7 батальонов, 8 эскадронов драгун, 10 сотен 20 рудий и 8 ракетных станков, двинуться к Пеняку с задачей разбить, сосредоточенный там отряд турок.

Ковалевский со своим отрядом, имея 4-х дневный запас продовольствия, в тот же день, в ночь на 29 августа выступил из лагеря под Карсом.

Пройдя 35 верст, он прибыл в селение Аджи-кала. В целях поразить турок неожиданностью, Ковалевский решил пройти форсированным маршем весь предстоящий ему путь длиною в 35 верст, через Вартанекский перевал близ деревни того же наименования на деревни Арсенек и Косур.

Отряд выступил из Аджи-кала в 3 часа утра 30 августа. Дорога была невероятно трудная, усыпанная камнями с крутыми подъемами и спусками. Несмотря на это, кавалерия отряда, к 4-м часам подходила к Косуру. От него до

Пеняка оставалось 7 верст.

В целях той же внезапности, Ковалевский выслал вперед 4 сотни Линеицев, сотню охотников Лорис-Меликова и ракетную команду, приказав им завязать дело с противником и задержать его до подхода главных сил отряда.

Турки, предупрежденные из Косуры баши-бузуками там находившимися о приближении русских войск, заняли позицию западнее Пеняка где ущелье расширяется и местность допускает действия конницы. В центре они поставили свои 4 горных орудия, а по флангам стала кавалерия. В Косуре, по склонам гор и впереди Пеняка милиция и баши-бузуки.

К 6-ти часам Линеицы подошли вплотную к Косуре. Их передовая сотня, не задерживаясь бросилась в шашки на баши-бузуков, ворвалась на их плечах в Косуру и далее по дороге на Пеняк. В это время ракетная команда открыла столь удачный огонь, что передовые части турок стали отходить на свои главные силы, частично поднимаясь на склоны гор. Открыла огонь турецкая артиллерия и было видно, что турки готовятся перейти в наступление. В это время стали подходить остальные сотни Линеицев и не ожидая подхода главных сил отряда, бросились на турок. Одна сотня пошла в обход их правого фланга, а остальные прямо против фронта.

Турки, ошеломленные такою смелостью Линеицев, не выдержали и стали поспешно отходить на Ольты, оставив в руках казаков одно орудие.

Храбрые и доблестные Линеицы, не дав им опомниться, преследовали их на протяжении 15-ти верст, захватив остальные три орудия. Только наступление темноты и крайняя усталость лошадей заставили прекратить преследование.

К подходу главных сил отряда все было закончено: противник обращен в бегство, его артиллерия и обоз с продовольствием захвачены.

На следующий день, Ковалевский со своим отрядом, двинулся обратно под Карс.

В дальнейшем, турки больше не возобновляли попыток доставить продовольствие в осажденный Карс.

В. Н а у м е н к о .

ЗВОНЫ КУБАНИ.

I

Ползет змеей черкес к засадам и пикетам:
Шапсуг суров, зол абадзех, свиреп бжедух-
По прикубанским камышам к заставам и секретам
В дозоре глаз казачий зорек, чуток слух.

Кубань...Кубань...Кубань...Призыв с дозорных
Тревогой будит сон окраинных станиц... ^{вышек}
Отвагой сердце бьет и грудь взымает выше-
Госдей заречных ждут с пищалью у бойниц.

Кубань живет тоской по отчим кровлям,
 По хатам, по садам, левадам - их не счесть
 Родных и близких мест, политых кровью
 В боях за Родину, за Веру, Дом и Честь...

Рыданьями надорванная грудь о прошлом стонет -
 Невозвратимые места родимых куреней,
 Степей, где ветер волны золотой пшеницы гонит,
 В густой траве толоки бродят табуны коней.

Кубань... бань.. бань.. Кубань... бан.. бан.. Колокола ^{на} собора...
 С дыханьем вешним смешан аромат акаций цвет,
 Горят на солнце празднично казачьи уборы
 И ярче всех-верхи папах, черкески и бешмет.

Кубань... Кубань... На сбор станичный, Краевую Раду
 Зовет творить Управу Войсковой Устав.
 Но годы мрачные войны гражданской страды
 Сомкнули смертью и тюрьмой казачьи уста.

Кубань... Нь.. нь.. Кубань... нь.. нь.. Как плач печальный ^{на} погосте
 Унылым звоном стонет по отоснившимся годам.
 В чужой стране - мы только на минуты гости,
 А там - рабына пахоти чужой и у станков по городам.

Кубань... нь.. Кубань... нь.. Колокола тоскуют в плаче
 -Протяжный жалоб жуткий в отпеваньях стон.
 Обиды дум бездомной доли бед казачьих
 Гнетут тоской сердца напевом похорон.

В рассеянии сущим по городам и весям
 Они звучат былого звоны: "Ты Кубань,
 Ты смертью смерть поправ, воистинну воскреснешь,
 Когда казачьи звоны воли, силы повелят - восстань!"..

II

Уж не гудят по станицам в праздники звоны -
 В молот и серп, в пулеметы и танки
 Медь колокольную, золото риз от иконы
 Перековали; а душу, и совесть, и честь - наизнанку.

После похода Корнилова, рейдов Шкуро, Перекопа,
 После отхода с этапа последнего - Крыма:
 Принкипо, Лемнос, Галлиполи, Константинополь -
 -Мачехой стала Европа, могилой - сугробы Нарыма.

Зарево красных пожаров Кубани потухло,
 Смолкли плакатных обманов посулы - звоны
 Тело казачье от голода, пыток вспухло,
 Сосланы на гибель в колхозные загоны.

Смокли восстаний, борьбы с советами звоны,
Громкий набатный призыв боевой замер,
Сорваны, втоптаны в грязь золотые погоны,
Стинула воля казачья в подвалах тюремных камер.

А. Ж е м ч у ж н ы й .

Вашингтон, февраль, 53.

ВЫПИСКА ИЗ ВЫСОЧАЙШЕГО ПРИКАЗА 6 августа 1909 года.

По Военно-учебным заведениям:

Производятся
в хорунжие со
старшинством
с 15 июня 1908
в полки Кубан-
ского ваз. вой-
ска.

НИКОЛАЕВСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА.

Из портупей-юнкеров ЗУБКОВ- в I-й Ека-
теринопольский.
Из юнкеров КАДУШКИН- в I-й Кубанский.
Из портупей-юнкеров БЕРЕЖНОЙ и из юн-
керов ЛИМАНСКИИ-оба в I-й Полтавский

из юнкеров:

ГОРПИЩЕНКО - в I-й Таманский
БУЛАВИНОВ - в I-й Уманский
из портупей-юнкеров-БЕЛОФАСТОВ- в I-й
Хоперский
из юнкеров ПАЦАПАЙ, РУДЬКО, НАУМЕНКО- все
трое в I-й Ейский.

из вахмистров ЗБОРОВСКИИ- в Кубанский ка-
зачий дивизион

со старшинст-
вом со дня вы-
пуска

из юнкеров КОБЦЕВ- в I-й Кубанский.

ЕЛИСАВЕТГРАДСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО
УЧИЛИЩА:

со старшинст-
вом с 15 июня
1908 года

из юнкеров:

СТОЯНОВСКИИ- в I-й Хоперский,
ШИЯНЕВСКИИ- в I-й Уманский.

ПАВЛОВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА

со старшинст-
вом с 15 июня
1908 года

в Кубанские
пластунские
батальоны:

из портупей-юнкеров РУМЯНЦЕВ и ПРОФФЕН-
оба во 2-й

Со старшинст-
вом со дня
выпуска

из юнкеров

БАРГУНОВ в I-й Черноморский полк,
ФРАНЦ - во 2-й Кубанский пластунский
батальон.

АЛЕКСАНДРОВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА:

Со старшин-
ством с 15 июня 1908 г. из юнкеров:
ГЛОТОВ-в 1-й Черноморский полк.
В Кубанские
пластунские батальоны: СОРОХТИН - в 1-й
НАРАП- в 4-й.

АЛЕКСЕЕВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА:

Со старшин-
ством с 15 июня 1908 г. из юнкеров:
ЛЕБЕДИНСКИЙ-в 1-й Полтавский полк
ДЬЯЧЕВСКИЙ- в 1-й Уманский полк
ДОЛИНСКИЙ- в 1-й Черноморский полк
Из портупей-юнкеров КУЧИНСКИЙ ,из юнке-
ров КУРБАТОВ-оба в 5-й Кубанский пластун-
ский батальон

Со старшин-
ством со дня
выпуска: из юнкеров- ДЕЙТБЕКОВ- в 6-й Кубанский
пластунский батальон.

КИЕВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА:

Со старшин-
ством с 15 июня 1908 г. из юнкеров-ТЕЛЕГА в 1-й Полтавский полк
ДЕРЕВЯНКО-в 1-й Ейский.
из портупей-юнкеров-ГОРБАЧЕВ и из юнкеров
ДАНИЛЕНКО-оба в 1-й Черноморский полк.
из портупей-юнкеров КВАРТОВКИН-в 4-й Кубан-
ский пластунский батальон.
из юнкеров:КОЛЬБИКОВ и принц КАДЖАР- оба в
5-й Кубанский пластунский батальон.

Военно-училищных курсов С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ПЕХ .
ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА:

Со старшин-
ством с 15 июня 1908 г. из юнкеров ЗМИЕВСКИЙ- в 6-й Кубанский
пластунский батальон.

Военно-училищных курсов КАЗАНСКОГО ПЕХОТНОГО
ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА:

Со старши-
ством с 15 июня 1908 г. из юнкеров:
КРАМАРЕВ- в 1-й Черноморский полк
УСПЕНСКИЙ-во 2-й Кубанский пластунский
батальон.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ПЕХОТНОГО ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА:

Со старшин-
ством с 15 июня 1908 г. из портупей-юнкеров ЧЕМЕРИН-в 4-й Кубан-
ский пластунский батальон.

ОДЕССКОГО ПЕХОТНОГО ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА

Со старшин-
ством с 15 июня 1908 г. из портупей юнкеров ПАНКЕЕВ в 3-й Ку-
банский пластунский батальон,

из прапорщиков 27-го Восточно-Сибирского стрелково-го полка ЗЕЛЕНЕВСКИЙ - в 4-й Кубанский пластунский батальон.

ЧУГУЕВСКОГО ПЕХОТНОГО ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА:

Со старшин-ством с 15

июня 1908 г. Из портупей-юнкеров:
БРЕУС - в I-й Ейский полк,
АПАНАСЕНКО - в I-й Черноморский полк
из юнкеров - ЗАСКАЛЬКО - в 4-й Кубанский
пластунский батальон.

КАЗАНСКОГО ПЕХОТНОГО ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА:

Со старшин-ством с 15

июня 1908 г. из юнкеров ЧЕБУРОВ - в 4-й Кубанский пластунский батальон.

ТИФЛИССКОГО ПЕХОТНОГО ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА:

Со старшин-ством с

15 июня 1908 из юнкеров СОКОЛ - в I-й Ейский полк
из портупей-юнкеров:
КОЛЕСНИК, КРИКОВЦЕВ и ТОВСТИК, все трое -
в I-й Черноморский полк
БЕЛЯЕВСКИЙ - в I-й Кубанский пластунский
батальон,
СНЕГИРЕВ и МЕСТЕЧКИН, оба в 4-й Кубанский
пластунский батальон,
из фельдфебелей ГОЛОВКО и из портупей-
юнкеров ХЕСЛУПОВ - оба в 5-й Кубанский
пластунский батальон.

Со старшин-ством со дня выпуска:

из юнкеров:
БОРИСОВ - в I-й Кубанский полк,
КОТЛЯРОВ - в I-й Кавказский полк.

ИРКУТСКОГО ПЕХОТНОГО ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА:

Со старшин-

ством с 15 июня 1908 г. из портупей-юнкеров СВЕЧНИКОВ - в 4-й Кубанский пластунский батальон.

МИХАЙЛОВСКОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА:

Со старшин-

ством с 14 июня 1907 г. из юнкеров СОТНИКОВ и ОТРЕШКО - оба во 2-ю Кубанскую казачью батарею.

КОНСТАНТИНОВСКОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА:

Со старшин-ством с 14

июня 1907 г. из портупей-юнкеров ПЕВНЕВ и НАГАЕЦ в 5-ю Кубанскую казачью батарею,
из юнкеров БЕЛЫЙ - в I-й Екатеринодарский полк.

ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА:

Со старшин-
ством с 15
июня 1908 г. из портупей-юнкеров:
ЦВЕШКО/Василий/- в I-й Хоперский полк,
ГОЛОВИН/Иван/ и из юнкеров ПЕРЕЦОЦА
/Порфирий/-оба в I-й Ейский полк.

из портупей-юнкеров:
ПОПОВ/Игнатий/-в I-й Полтавский полк,
ХОРИН/Сергей/- в I-й Кубанский полк.

Со старшин-
ством со дня
выпуска: из юнкеров:
ЗОЛОТАРЕВСКИЙ/Вячеслав/ -в I-й Ейский п.
ЕСАУЛОВ/Петр/-в I-й Кубанский полк.

П о д п и с а л

Военный Министр

Генерал-Адъютант СУХОМЛИНОВ.

ВДОЛЬ ПО ЛИНИИ КАВКАЗА

Вдоль по линии Кавказа,
Где сизый орел летал,
Он летал перед войсками,
Православный генерал.

Он с походом нас поздравил,
Отдавал такой приказ:
"Чтобы были у вас, братцы,
Ружья новые в руках.

Ружья новые, винтовки,
Револьверы в кобурах,
Револьверы в кобурах,
Шашки острее в ножнах.

Мы поедем за границу
Бить картечью врага,
Часть побьем, перестреляем,
Остальныя мы в плен возьмем."

/ Старая Линейская песня.
Слова ее сообщил Д.П.
Вертепов./

Наш, Кубанский, историк
ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ ЩЕРБИНА-.

Им написан и в 1888 г. напечатан "Краткий исторический очерк Кубанского казачьего Воска", а затем, по поручению Наказного Атамана и с разрешения Военного министра "История Кубанского казачьего Войска" охватывающая период до 1860 года. Том 1-й/1910 г./ и т. 2-й/1913 г./.

В 1930 году, в Праге, с разрешения автора, взяты из его истории выдержки и, в виде рассказов, напечатаны в отдельной брошюре, под заголовком: "Казачьи герои и сподвижники".

В настоящем номере Сборника печатаются некоторые из этих рассказов.

Ред.

ГЕРОЙСКАЯ СМЕРТЬ ТИХОВСКОГО И 146 СПОДВИЖНИКОВ ЕГО.

Смерть Тиховского и ста сорока шести сподвижников его, сложивших головы в защиту родины, представляет классический пример героических подвигов казачества на Кавказе. Люди пали в бою не из воинского задора, а жертвою нравственного долга перед родиной и населением.

Дело происходило в январе 1810 года. Стояла суровая зима. Льдом покрылась глубокая, бурная Кубань. Благодаря этому, черкесам был открыт свободный доступ в Черноморью и они не замедлили воспользоваться удобствами переправы по льду через Кубань для набега.

Из Закубанья до казаков, стороживших кордонную линию, доходили в это время тревожные слухи. Мелкими и крупными партиями черкесы пробирались уже тайком в разных местах линии через Кубань, в Черноморью. В аулах за Кубанью шла деятельная подготовка к войне. Горец Хамыш сообщил 13 января есаулу Порохне, что в горах составлялось грозное военное ополчение черкесских племен для нападения на Елизаветинский и Павловский кордоны. Что-то жуткое, зловещее чувствовалось кругом, точно перед грозой.

И гроза разразилась 18 января.

В 9 часов утра сторожевой разъезд обнаружил переправу черкесов по льду Кубани, близ Ольгинского кордона. Черкесы шли на казачью линию огромной толпой. Это было то самое ополчение горцев, о котором пять дней тому назад Хамыш известил есаула Порохню.

Торжественно, с четырьмя распущенными знаменами — двумя красными и двумя белыми, черкесское ополчение густыми рядами покрыло Кубань и ее берега. Начальник сторожевого разъезда зауряд-хорунжий Жировой немедленно дал знать о появлении черкесов в Ольгинский кордон полковнику Тиховскому, незадолго перед тем отразившему скопище горцев. В это время через Кубань переправилось уже до трех тысяч всадников. Черкесская пехота находилась еще по ту сторону реки, готовясь вслед за конницей перейти по льду Кубань.

Часть переправившейся конницы сразу же бросилась к Стеблиевскому и Ивановскому куреням, а часть заняла дорогу на Славянский кордон и отрезала все пути сообщения с Ольгинским кордоном. х/. Общее число неприятеля было не мене 4.000 человек

П р и м е ч а н и е : х/—Оба эти кордона находились на правом берегу Кубани, из них Славянский Раздёр т.е. места где от главного русла Кубани, отделяется Протока, а Ольгинский примерно в 15 верстах от него—Выше по течению Кубани/не следует смешивать Славянский кордон и станицу Славянскую возникшую позже и расположенную ниже—на левом берегу Протоки/.

В.Н.

Горцы приготавливались громить Ольгинский кордон. Но в это время сам кордон пошел навстречу горцам. Двести казаков, под командою полковника Тиховского, с одною трех-фунтовою пушкой, оставили кордон и храбро двинулись против трехтысячного войска неприятеля. Произошло нечто невероятное по отваге и мужеству. Казаки спешились с лошадей и, оставивши их в кордоне, сами шли к Кубани, чтобы сразиться с черкесами, густыми масами, покрывавшими всю ближайшую местность.

Завязался бой двухсот человек с тремя тысячами. Оглашая воздух громкими криками, черкесы надвинулись широкой лавиной на малочисленный казачий отряд. Казалось, что бурный поток черкесских наездников в мгновение ока сотрет с лица земли горсть черноморских смельчаков.

Но раздался зловеющий звук казачьего орудия и дружный залп двухсот ружей — черкесы смешались и невольно попятнулись назад. Целый ряд убитых и раненых горцев остановил атаку. Они бросились подбирать пострадавших. Казаки успели зарядить пушку и ружья. Раздался новый залп — и новые жертвы оказались в рядах нападавших черкесов.

Подобравши убитых и раненых товарищей, горцы начали отступать. Но как раз в это время к черкесской коннице присоединилась пехота, переправившаяся через Кубань. Горцы снова повели атаку против казаков. И снова грянувшая пушка и ружейный залп расстроили наступление черкесских всадников и пехоты. Казаки не уступали своей позиции и не упустили ни одного момента, чтобы держать в почтительном отдалении многочисленного неприятеля, не имеющего возможности вредить казакам одним ружейным огнем.

Так продолжалось сражение целых четыре часа. Казаки видели, что цель их была достигнута. Они успели задержать большую часть черкесского ополчения от набега на казачьи жилища. Повидимому малочисленный казачий отряд так и должен был остаться до конца господином сражения.

Но вдруг показалась новая туча всадников. Это скакали черкесы, ограбившие Стеблиевское и Ивановское селения. На беду казаков, выстрелы привели новое тысячное подкрепление горцев с противоположной стороны — в тыл казачьему отряду. Одно уж это ставило в крайне рискованное положение отряд Тиховского. Но тут над казаками грянулась новая беда. У них не хватало ни пушечных, ни ружейных зарядов.

Когда перестали действовать казачьи ружья и пушка, горцы моментально окружили казачий отряд. Началась жестокая расправа озлобленных черкесов. Весь израненный полковник Тиховский скомандовал "в ратища!", чтобы казачьи пики пробить отряду дорогу к Ольгинскому кордону, в котором были заряды и можно было найти защиту.

Но конец сражения был короток: горцы задавили свою огромною массою малочисленный казачий отряд. Под уда

рами черкесских шашек пал прежде всего начальник отряда Тиховский. Убиты были хорунжий Кривошей, зауряд-хорунжий Жировой, 4 урядника и 140 казаков.

Благодаря наступившей темноте, есаул Гажданов с урядником и 16 казаками успели уйти с места боя незамеченными, но многие из них тут же умерли от ран.

Сорок, покрытых ранами казаков, были взяты черкесами в плен. Пушку горцы торжественно повезли за Кубань, как трофей победы. Но за самую победу они заплатили так дорого, что им не пришлось праздновать ее. Только на месте сражения у них оказалось 500 трупов, кроме раненых.

Так закончился кровавый бой Тиховского и его сподвижников с черкесами. С тех пор прошло более ста лет и было порос безпримерный подвиг черноморских героев. Но на страницах казачьей истории никогда не угаснет святая жертва за родину и родное население и навсегда останется память о самоотверженном подвиге наших героев. Тиховский и его сподвижники — это наш казачий Леонид и наши казачьи спартанцы.....

Примечание: — В память этого события жители станицы Новокорсунской соорудили в станичной церкви образ с перечислением на нем имен Тиховского, Гажданова, Кривошей, Жирового, 4 урядников и 140 казаков.

В годы атаманства генерала Филипсона на месте боя был поставлен каменный столб с надписью о событии.

В 1868 г. войсковой старшина Вареник выхлопотал разрешение на сооружение памятника и таковой был поставлен 23 ноября 1869.

Хутор на правом берегу Кубани, у Раздер, где был Славянский кордон, назван в честь полковника Тиховского его именем.

В.Н.

ВСЕ ДО ОДНОГО.

Этих всех до одного было 50 человек: сотник Гречишкин, 3 урядника и 46 казаков Кавказского полка.

Дело происходило таким образом.

За Кубанью против Старой Линии было не спокойно. Горцы собирались в партию и готовились к набегам на Линию. В сентябре 1829 года Командующий войсками правого фланга Кавказской Линии генерал-майор Антропов получил достоверные сведения о том что Темиргоевский князь Джембулат Айтеков с братом своим Шумафом составили партию отчаянных наездников в 500 человек. Джембулат пользовался широкою известностью в горах и на Линии. Это был смелый и искусный предводитель черкесских джигитов, производивших набеги на казачьи владения.

Надо было ожидать дерзкого нападения.

В целях предупредительных мер по охране Линии, в станицы Григориполисскую и Темижбекскую, между которыми, по слухам, горцы предполагали прорваться на Линию, послан был подполковник Донского Войска Залещинский с 250 человеками резерва и с одним конным орудием.

Сам генерал Антропов с 300 солдат Навагинского полка и 200 кавалерии Кубанского казачьего полка, расположился у Прохоскона, чтобы, при первой же вести о движении горцев, переправиться через Кубань навстречу неприятелю.

В то-же время полковник Навагинского полка Пирятинский, находившийся за Кубанью в укреплении на р. Псемаф и узнавший о готовящемся набеге партии Джембулата на Линию, двинулся 14 сентября, с отрядом в 270 человек пехоты и 200 человек казачьей конницы, при двух орудиях сначала к р. Фарсу, а оттуда, 15 сентября, по направлению к станице Тифлисской. Пирятинский, между прочим, имел в виду настигнуть партию 200 турок с двумя орудиями, под начальством турецкого паши Сеид-Ахмета. Партия эта, по слухам, находилась по пути следования отряда. Но никого - ни турок, ни черкесов, Пирятинский не встретил по дороге на Тифлисскую и расположил отряд близ Песчаного брода степной речушки Зеленчук или Терс.

Между тем, командир Кавказского полка подполковник Васмунд, получивши известие о движении отряда Пирятинского и ничего не зная о распоряжении генерала Антропова, приказал сотнику Гречишкину произвести с казаками поиск неприятеля между Кубанью и Лабой.

В это время значительная часть Кавказского полка была отвлечена из станиц и Гречишкин мог составить отряд только из 39 казаков станицы Казанской и 20 казаков станицы Тифлисской. С этими силами он переправился 14 сентября через Кубань и двинулся к Зеленчуку.

Казаки шли на рысях, ничего не подозревая. Вдруг, в одном из оврагов близ Песчаного брода на Зеленчуке, их окружила партия горцев в 500 человек прежде чем передовые разведчики успели прискакать к отряду Гречишкина. Гречишкин с казаками попал, как бы, в ловушку и не имел возможности двинуться ни вперед, ни назад, ни в сторону без того, чтобы не вступить в борьбу с многочисленным неприятелем.

Оказалось, что близ Песчаного брода, но в разных местах были три отряда - в скрытом от наблюдения месте остановился отряд полковника Пирятинского, в другом, так же укромном месте скрывался Джембулат Айтеков со своими наездниками, а в третьем, со стороны Кубани делал поиск небольшой отряд Гречишкина. И каждый отряд не был осведомлен о близости остальных двух.

Черкесы, для которых не было сомнения в том что они одследят казаков, не бросились, однако, сразу на них. Дело в том, что Джембулат Айтеков был кунаком/личным приятелем/ Гречишкина. Гречишкин славился между казаками и черкесами храбростью и отвагой. Это был великан-казак, отличавшийся необычайной физической силой и неустрашимостью. Отважный и храбрый Джембулат не мог иметь другого кунака. Он, по своему, любил и уважал Гречишкина.

- "Так вот где, Андрей, нам с тобою пришлось встре -

титься!" — крикнул, будто бы, по рассказам черкесов, Джембулат, заметивши издали своего кунака Гречишкина.

Обычай куначества свято соблюдался черкесами. Взять кунака из сакли черкеса можно было лишь через труп хозяина сакли. Нанести оскорбление кунаку, посягнуть на его жизнь или имущество в пределах владений его приятеля, значило одно и то же, что сделать это самому приятелю, который отвечал за жизнь и состояние кунака в своей сакле и владениях. Кунак при этих условиях был его кровником, членом семьи. Но раз кунак переступил порог сакли или границу владений приятеля, обычай снимал с этого последнею обязательство охраны. Кунак не был уже гостем, так тщательно охраняемым родовым обычаем.

Но само собою разумеется, что естественное чувство дружбы тесно связывало кунаков вне их саклей и владений. Кунаки всюду поддерживали друг друга — в боях и в чужой стороне. То же естественное чувство дружбы и личной приязни заставило Джембулата приказать горцам не трогать казаков Гречишкина. Джембулат рассчитывал переговорами сохранить жизнь кунака.

Но напрасно уговаривал он Гречишкина сдаться ему, в виду малочисленности казачьего отряда; напрасно он доказывал своему приятелю, что в этой сдаче лично для Гречишкина нет ничего постыдного, что сам он, Джембулат и его наездники прекрасно знают действительную цену Гречишкину, как храброму и отважному воину; напрасно он убеждал кунака, что иного исхода нет, так как оба они, Джембулат и Гречишкин, предводительствовали двумя военными и враждебными один другому отрядами.

Гречишкин, прекрасно говоривший по черкесски, решительно заявил кунаку, что ни сам он, ни казаки не сдадутся без боя, не отдадут себя живыми в руки противника.

Заняв своим маленьким отрядом боевую позицию, он приказал казакам сбатовать х/ лошадей кольцом и залег в этом круге с казаками за лошадьми как за барьером.

Удивительное зрелище скрещения народного обычая с воинским пылом происходило на глазах черкесов и казаков.

Черкесы прекрасно понимали чувство своего джигита-вожака и в то же время негодовали на него за медлительность столь не свойственную ему. Казаки видели и отчетливо сознавали, как постепенно раскрывалась перед ними пропасть военной случайности, могущая в каждую минуту поглотить их. Сам Джембулат находился в ужасном душевном настроении; он не мог одновременно спасти ку

П р и м е ч а н и е : — автор делает ошибочное объяснение слову "сбатовать" говоря, что это значит положить лошадей на землю. Сбатовать — это значит соединить попарно, при помощи поводьев уздечки. Обычно, при спешивании часть казаков оставалась при лошадях, батовка же применилась когда спешивались и шли в цепь все казаки. В данном же случае надо было сказать, что Гречишкин приказал положить лошадей.

В.Н.

нака и быть предводителем преданных ему горцев.

Между тем ропот между черкесами рос и усиливался. Долго не получая приказаний от Джембулата атаковать казаков, они вдруг, точно по чьему то мановению, с гиком бросились на казаков. Джембулат остался на месте и не принял участия в бое. Казаки залпами из ружей не допускали горцев перебраться к ним через живой барьер из лошадей.

Началась усиленная перестрелка между черкесами и казаками. Черкесы, пользуясь численным превосходством над казаками и более выгодным положением, издали расстреливали казачью команду, посылая в нее сотни пуль. Казаки не сдавались.

Тогда кто-то из черкесов упрекнул в нерешительности своего предводителя. В Джембулате вдруг прозвучал отважный наездник, слава о котором гремела в горах. Он быстро построил черкесов и, обнажив шашку, поскакал на казачий отряд.

На этот раз завалы из лошадей не спасли казаков. Первым через барьер перескочил на своем чудном скакуне Джембулат. Но тут же он был ранен пулей. Шашка выпала из его руки и, как нарочито, упала к ногам кунака Гречишкина. Несколько черкесов быстро схватили предводителя и помчались с ним в безопасное место. Но предводитель сделал свое дело. Он перешагнул через барьер, а за ним и его всадники.

Началась расправа победителей с побежденными. Гречишкин и сорок казаков были убиты из ружей, одного урядника черкесы поразили стрелами и двух из фальконета. Живых и убитых казаков черкесы изрубили с таким ожесточением, что впоследствии оказалось очень трудным сложить из отдельных частей целые трупы. Головы, руки, ноги и другие части тел казаков и черкесов были так смешаны в одну массу, что почти невозможно было узнать, какая часть какому трупу принадлежала. Казалось что здесь дрались не люди, даже не звери, а какие то злобные чудовища, у которых не было ничего человеческого — ни любви, ни сердца, ни жалости, ни милосердия.

"Казаки пали все до одного" — сказано было в одной из военных реляций. Так и было, когда отсюда ушли черкесы с раненым Джембулатом, 84 убитыми всадниками и 32 ранеными. На месте побоища лежали одни трупы.

Еще перед началом боя Гречишкин послал казака с вестями в станицу Казанскую. Там не оказалось казаков и отряд Гречишкина не дождался помощи. Но когда, наконец, казаки явились на место побоища и начали разбирать трупы убитых, то между ними нашли со слабыми признаками жизни три казака — Василий Русинов, Зиновий Пахомов и Климентий Дейкин. Это были живые трупы, лишённые возможности двигаться.

У Василия Русинова прострелены были обе ноги пулями выше колен, на вылет, с повреждением костей, грудь разрублена шашкой в двух местах, четыре шашеч-

ных раны зияли на голове и две на шее.

У Зиновия Пахомова обе ноги прострелены были пулями в четырех местах на вылет с повреждением берцовых костей, шашечных ран оказалось на голове четыре, на шее две, на груди четыре, на спине три, а одно плечо было совсем разрублено.

Клементий Дейкин весь был покрыт шашечными и кинжальными ранами—их было восемнадцать.

Так жестоко расправились черкесы с противником.

Трупы 30 казаков отправлены были для погребения в родную Казанскую станицу, а сотник Гречишкин с остальными казаками похоронены в братской могиле близ своей станицы Тифлисской.

На братской могиле по дороге в станицу Тифлисскую стоит надмогильный памятник, прикрывающий прах храбрых линейцев и свидетельствующий о том, как жертвовали казаки собою во время Кавказской войны.

НА ВЫРУЧКУ АТАМАНА.

В январе 1830 года Командующий войсками на Кавказской Линии генерал Эмануэль предпринял поход в горы против черкесов. Одна часть, под личным начальством Эмануэля, направилась в земли свирепых абадзехов, а другая, под командою Наказного Атамана Безкровного, во владения неукротимых шапсугов.

Отряд Безкровного проник в обширные шапсугские леса на р. Дехац. Здесь произошел целый ряд стычек казаков с шапсугами, которыми предводительствовал шапсугский дворянин Маамкирей Цоко-Моко, необыкновенно энергичный и отважный горец. Как вождь, он был серьезным противником храброго казачьего генерала. Окружив наши войска, не в меру растянувшиеся в густом лесу, шапсуги наносили чувствительный урон отряду. Ожесточенный бой кипел во многих местах и достиг крайней степени напряжения.

Маамкирей, с отборными всадниками, приблизился, под прикрытием леса и кустарника, к одному из взводов артиллерии. Черкесы стремительно оттеснили казаков, защищавших артиллерию, убили двух лошадей, ранили двух артиллеристов и схватились за орудие, чтобы утащить его с собою. Но в это время сюда же прискакал Безкровный с казаками, которые отбросили горцев в сторону и отняли у них орудие. Черкесы дали тыл, а казаки погнались за ними.

В порыве преследования, Безкровный с несколькими казаками отделился от отряда, а к бежавшим горцам подошла значительная помощь. В подавляющем количестве черкесы окружили казачьего атамана с маленькой группой казаков.

Казаки начали отступление, отражая неприятеля пиками. Безкровный сражался в переднем ряду. Горцы нарочно застрелили под ним лошадь. Пеший генерал был окружен со всех сторон черкесами, решившими взять его в плен

живым. Это быть может спасло Безкровного от явной смерти. Схвативши пикку, он с искусством стал защищаться от целой толпы.

Это заметил предводитель горцев Цоко-Моко и поскакал к Безкровному. Горцы дали дорогу своему вождю, чтобы он лично расправился с казачьим генералом. Безкровный тоже заметил противника и в то время как Маам кирей мчался к нему, раздался выстрел, произведенный Безкровным из пистолета. Конь взвился на дыбы, а Цоко-Моко свалился с него мертвым.

Тогда к Безкровному бросились разом два горца, жаждавших отомстить атаману за смерть их вождя, но Безкровный заколол обоих, поочередно, пиккою. Пика генерала моментально была изрублена черкесскими шашками в куски. Атаман вынул из ножен шашку и ранил еще несколько горцев. Но и горцы перестали щадить казачьего генерала. Его ранили в грудь, раскроили ему шашкой голову, повредили череп и нанесли глубокую рану в правое плечо. Несмотря на эти раны, отличавшийся необыкновенною физическою силою атаман, все еще владел шашкою и отражал ею удары горцев.

Заметивши опасное положение наказного атамана, несколько казаков и офицеры Могукоров и Золотаревский поскакали к многочисленной толпе неприятеля. К Безкровному было трудно пробраться. Могукоров, сам родом черкес, едва успевал отражать сыпавшиеся на него удары. В этот момент разжалованный из офицеров казак Сотниченко врезался в толпу горцев и дал возможность и Могукорову двинуться за ним. Поражая черкесов шашками, они схватили на руки обезилевшего от напряжения и лишившегося от потери крови чувств Безкровного. К ним на помощь бросились остальные казаки. Одни из них рубили черкесов, другие падали под их ударами, но все вместе старались образовать живую стену, за которой укрыли, лишившегося сознания, атамана.

При этом одни получили глубокие раны, другие потеряли жизнь, но храбрый атаман был спасен от смерти.

Казаки сделали свое дело. Полагаю, не надо пояснять кто здесь был героем — один ли атаман Безкровный, или же и те которые его спасали и жертвовали за него своею жизнью.

ГУРТОВОЙ, РОГАЧ и ЧЕРНЕГА.

Это были черноморские пластуны, которые до тонкости знали пластунское дело и крепко соблюдали основное его правило — действовать сообща и не выдавать друг друга.

В июньскую темную ночь, когда, при новолунии, небо было покрыто мрачными тучами и когда пешие черкесы имели обыкновение ползком, как змеи, пробираться в станицы

в надежде поживиться казацким добром, — Гуртовой, Рогач и Чернега заняли залог у плетня станицы Елизаветинской.

Пластун любил секрет или залог. Притаившись гденибудь в укромном месте, он зорко следил за всем, что происходило в округности, все высматривал, ко всему прислушивался, все узнавал. В самые опасные, поэтому, минуты пластун находясь в залог, не только успевал хорошо ра-зобратъся в окружавшей его обстановке, но и придумать тот или другой наиболее подходящий к данному случаю план действия.

Гуртовой, Рогач и Чернега превосходно знали местность у своей станицы и близъ Кубани. Опытные пластуны были уверены в том, что в такую ночь черкесы непременно вьются в станицу. Очень уж подходящая для воровских по-хождений была ночь.

Разместившись на известном расстоянии друг от друга, так чтобы можно было охватить наибольшее пространство для наблюдения и незаметно подать условный сигнал друг другу при надвигавшейся опасности, пластуны превратились всецело в слух и во внимание.

Малейший шорох, игра тени, беспорядочное кружение в воздухе летучих мышей, отдаленный лай собаки, легкий топот животного, — все, что действовало на слух и глаз пластуна, не ускользало от его внимания. Особой остротой у пластунов отличался слух. Сидя в кустарнике или в камышах, пластуны "на хруст" т.е. по шороху, убивали диких кабанов и пристреливали черкесов.

Время клонилось к полуночи. Гуртовой, Рогач и Чернега точно исчезли куда-то. Ни звука, ни малейшего движения не слышно было там где они сидели. Но каждый из них с напряжением следил за тем, что происходило в станице и воле неа, разгадывая по звукам где что случилось.

Но вот Гуртовой особенно насторожился. Вдали, по направлению к Кубани, раздался какой то странный звук, точно кто-то чихнул. "Черкес!" — подумал пластун. Раздалось снова сдержанное чихание. Это ясно слышал Гуртовой.

Он издал мышинный писк. Рогач и Чернега ответили тем же с двух сторон и позком бесшумно приблизились к звавшему их товарищу. Молча Гуртовой прицелился из ружья в том направлении, откуда слышалось чихание. Товарищи поняли куда надо направлять внимание и все трое стали терпеливо ждать, что дудет дальше.

Скоро для пластунов выяснилось, в чем было дело. К станице подкрадывался не один человек, а целая партия. Она, повидимому, была близко от залог. Ее движение периодически то совершенно затихало, то снова проявлялось слабым шорохом. Горцы, очевидно, в свою очередь, осторожно двигались чтобы не нарваться на разьезд или на залог и прислушивались к тому, что происходило в станице.

Снова Гуртовой приподнял ружье и повел головой направо и налево к сидевшим рядом с ним товарищам.

Рогач и Чернега считали Гуртового старшим и слушались его команды. Мгновенно они тоже приподняли ружья. Прошла минута. Гуртовой опустил ружье. Товарищи сделали тоже. Не наступила еще пора стрелять.

Несколько раз собирался Гуртовой стрелять и все не мог уловить надлежащий момент. Когда, наконец, в последний раз приподнял ружье и заметил, что и товарищи его утвердительно закивали головами, то скомандовал "пли!"

Раздалось три выстрела. Кто-то не то свалился, не то бросил что-то тяжелое на землю. Послышалась шипящая речь черкесов и вдруг в нескольких десятках шагов от пластунов осветилась широкой полосой небольшое пространство. Это черкесы ответили залпом пластунам по тому направлению откуда раздалось три выстрела. Но опытные пластуны, как только спустили курки, сразу залегли в канаву у станичного плетня и черкесские пули просвистели над ними. Только Гуртовой в попытках не успел прибрать ноги и шальная пуля угодила ему в пятку.

По выстрелам черкесов пластуны могли уже судить о величине черкесской партии. Им почудилось восемь ружейных слившихся в один, выстрелов. Черкесская партия была не велика и пластуны решили преследовать ее. Теперь они уже не таились, а, с криком "ура" бросились к черкесам. Долгое напряженное молчание как бы перешло в энергию, которой дрожал каждый мускул пластунов. К тому же, они были дома, у себя возле станицы, откуда казаки, несомненно дали бы помощь, услышав выстрелы.

Ночь несколько спутала расчеты пластунов. Тремя выстрелами они рассчитывали отделаться от трех противников из черкесской партии, а, как после оказалось, ранили только двух.

Обе стороны разрядили уже огнестрельное оружие. Заряжать снова было некогда. Пластуны надеялись на при винченные к ружьям штыки, черкесы полагались на шашки.

Черкесы, все-же, стали уходить, но казаки настигли их. От Рогача и Чернеги не отставал и раненый в ногу Гуртовой. Нога ныла и болела, постыл из кожи дикого кабанна, крепко привязанный к ноге ремешками, был полон крови. Но не даром раненый носил фамилию Гуртовой т.е. артельный, товарищеский. Он не мог допустить мысли, что его верные товарищи останутся в бою одни, без него.

С первого же натиска пластуны так надели на черкесов, что один из горцев пал под ударами штыков, а другой был ранен. Таким образом, из партии у черкесов выбыло четверо; оставалось еще шесть человек—"по два на брата", по выражению пластунов. Но у черкесов были раненые и убитый. Горцам нужно было позаботиться о них. Шансы пластунов от этого увеличивались.

Ожесточенная схватка в темноте началась возле убитого черкеса. Обычай не позволял черкесам оставить труп убитого товарища в руках неприятеля и они всячески старались захватить его с собой. Казаки не давали убитого. Те и другие были на стороже друг против друга,

и когда одни пытались нанести удары, другие искусно отражали их.

Черкесам нельзя было, однако, терять времени. С минуты на минуту к пластунам могла подоспеть помощь из станицы и тогда вся партия черкесов должна была или сложить головы, или же позорно сдаться в плен. Горцы, по необходимости, должны были оставить на месте боя убитого товарища и стали уходить с ранеными по направлению к Кубани. Темнота помешала пластунам преследовать врагов. Черкесы успели уйти в заросли к Кубани; пластуны, избавивши станицу от партии хищников, не решались рискнуть дальнейшим преследованием при неблагоприятных для них условиях. В кустарнике, или в камышах, под прикрытием ночной темноты, у горцев мог быть резерв. К тому же, раненый Гуртовой стал ослабевать от большой потери крови.

"Ну их!" решили пластуны. Главное было сделано — неприятель прогнан. Пластуны повернули назад в станицу.

Приказом по Войску от 30 июля 1853 г. исполнявший обязанности Наказного Атамана Черноморского казачьего Войска генерал-майор Кухаренко благодарил Гуртового, Рогача и Чернегу за совершенный ими подвиг по защите станицы.

БАБА-КА-ВАЛЕР.

В шестидесятых годах, в базарные дни в Екатеринодаре можно было часто встретить старуху казачку, на груди у которой красовался военный орден Св. Георгия. Старуха была высокого роста и прекрасного сложения. Она ходила медленной, самоуверенною поступью, с приподнятой головой и держала себя с достоинством, как человек, знавший себе цену. Чуть заметная улыбка скользила у нее по лицу когда в базарной толпе раздавался чей либо голос:—"дивись! дивись! Баба с крестом!"—Это льстило старухе. Она гордилась своим знаком отличия.

Баба кавалер, как называли ее на базаре, привозила из соседней станицы продукты своего хозяйства в Екатеринодар для продажи. Все у нее охотно покупали масло, сметану и яйца. "много рассказов ходило о ней, из которых впоследствии я слышал от одного из казачьих офицеров следующие.

Когда черкесы убили мужа у старухи, она была еще молодой женщиной и осталась в семье одна с малыми детьми. Она не пала духом, не стала ныть и жаловаться на судьбу, не ожидала помощи со стороны, а крепко взялась за хозяйство. Оставшийся после мужа скот был сбережен, посевы производила она со своими малышами, хлеб молотила и сено возила тоже сама с детьми. Только косарей приходилось ей нанимать, но на это она умела припасать деньги. Одним словом, хозяйство спорилось у казачки и казачка сходила за казака.

Так казаком она и держала себя. Когда требовалось то выставляла подводу в станичное правление, возила арестантов или солдат и давала хату под постой. Даже военной

частью занималась. За ружьем мужа она ухаживала не хуже любого пластуна, чистила и смазывала его, умела заряжать и разряжать и держала в исправности все принадлежности к ружью — отвертку, баранчик, жирницу и шомпол. Когда она выезжала со двора в поле, то брала с собою ружье, бережно укладывая его на возу рядом с собою, чтобы оно было во всякую минуту под рукою, делала это точь в точь так как ее покойный муж.

Казак, иногда, шутя спрашивали казачку:

— "Що тоу тебе Марино? — показывая на ружье.

— "Самопал" — невозмутимо отвечала она.

— "А мы думали рогац" шутили казак.

— "Эгеж!" — спокойно она обрывала казаков.

— "И на що ты таскаеш ружко с собою?" приставали ка

зак: — "Побацуть его у тебе чересы, однимуть, та тебе-ж из нього и убьють!" —

— "Нехай попробують!" — говорила вызывающе Марина.

Казак шутили, а сами были уверены, что при случае Марина может дать сдачи хоть и черкесу.

И такой случай действительно произошел.

Осенью Марина ехала на быках с пустым возом в поле за тыквами, которые хорошо уродились в этом году и думала о том как она откормит ими к Рождеству старую свинью и какие прекрасные колбасы и сало получатся из откормленной свиньи. Она так замечталась, что не заметила, как подошел к возу черкес и даже как он взобрался к ней на воз.

Черкес был вооружен и, повидимому, намеревался овладеть быками и казачкой. Он несколько раз бросал взгляд в сторону Кубани, намечая спуск к реке. Он был уверен, что джигиту легко справиться с женщиной и безцеремонно потянулся к ней.

Марина оторопела, увидевши черкеса у себя на возу, но ловко отпихнула от себя непрошеного гостя, толкнувши его так удачно в грудь, что он чуть не свалился кубарем с воза.

— "Що його робить?" — мелькнуло в голове Марины — "попробую прогнать его" — подумала она, но сообразила, что, пожалуй, он не поймет русского языка. Вдруг блестящая мысль озарила ее голову. Марина припомнила подходящее, казалось ей, черкесское слово

— "Якши с воза!" — обратилась она к черкесу.

Черкес оправился от толчка и, с улыбкой, повторил — "Якши! Якши! / т.е. — хорошо/. Он понял Марину в том смысле, что казачка спрашивала его, хорош ли тот тумак которым она угостила его, и весело рассмеялся покручивая лукаво головой.

— "Чого ж ты зубы скалиш?" — напустилась Марина на черкеса — "Толком кажу боби: якши з воза, ну — й, якши!"

Черкес снова уселся на воз и, показывая на войлок сказавшийся у него под сидением, твердил с улыбкой:

— "Якши! Якши!"

— "Ось тобі!" — озлилась казачка и запустила в него поленом, которое подобрала она на дороге.

Марине почему-то казалось, что это был мирный черкес и что с ним, как со своим человеком, женщине дозволяется расправиться по домашнему.

Но черкес вспыхнул как порох, он понял, что казачка не шутит с ним. Прошипевши — "Яман, марушка!" /гадкая женщина/ он вынул шашку из ножен и, с угрожающим видом, поднял ее вверх, но в тот момент, когда сверкнула шашка Марина успела вытащить из под войлока ружье и когда шашка опустилась на не, она, со всей силы, ударила черкеса штыком в живот и, одновременно, произвела выстрел.

От двойного удара, черкес грохнул на возу мертвым, но и его шашка захватила плечо Марины, причинивши ей рану.

Марина крепко стянула себе раненое плечо, уложила черкеса на возу, прикрывши его войлоком, и поехала обратно в станицу. Здесь она направилась прямо в станичное правление и передала казакам убитого черкеса, рассказав как было дело.

Через месяц храбрая казачка была награждена военным орденом.

.....

Есть и другой вариант о бабе-кавалере станицы Пашковской:

Черкесы, узнавши о времени отвлечения из станицы большей части мужского служилого населения, произвели ночью набег на станицу. Баба-кавалер была уже в то время вдовой и, с появлением черкесов в станице, стала на защиту своего имущества. Выведя из стойла пару волов, она привязала их на виду вблизи входных дверей в хату и против входа с улицы во двор. Первый же черкес, увидевши пару рослых волов, бросился через ворота во двор, чтобы захватить добычу. Но лишь только он показался вблизи волов, как казачка, заняв выгодную позицию в сенях у входных в хату дверей, выстрелом из ружья положила его на месте. Такой же участи подверглись и другие охотники за соблазнительными волами.

Вот за этот хитрый прием расправы с черкесами казачка и получила военный орден Св. Георгия. И это характерный для того времени случай.

Обстоятельства не редко слагались так, что когда черкесы, в поисках за поживой, нападали на близь лежащие к Кубани станицы, то с ними сражались не только женщины, но и дети. Покрайней мере, в детстве, я не раз слышал об этом. И нет ничего невозможного, что женщины и дети также проявляли долю героизма и подвижничества.

Ф. А. Щ е р б и н а .